

Юрий Василенко*

КАРЛИЗМ МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗМОМ И ПРАВОРАДИКАЛЬНЫМ КОНСЕРВАТИЗМОМ**

КАЗУС ХУАНА III (1861–1868)

Получено: 03.04.2021. Рецензировано: 17.05.2021. Принято: 20.05.2021.

Аннотация: Статья посвящена Хуану III (1822–1887) — карлистскому претенденту на испанский престол в 1861–1868 гг., который противопоставил себя карлистскому «мейнстриму», расширив идеологические рамки этого движения влево вплоть до либерализма. В статье показано, как либерал Хуан III становится выразителем той тенденции (левого уклона в рамках карлистского консерватизма), которая берет свое начало с деятельности карлистского генерала Р. Марото Исернса, подписавшего в 1839 г. мирное Вергарское соглашение с изабелитами, и проявляется в попытках Карлоса VI найти согласие между двумя ветвями испанских Вурбонов в форме династического брака с Изабель II. Анализируются неудачи Хуана III как политического практика, стремящегося интегрироваться в Новый — либерально-буржуазный — порядок, для чего, в свою очередь, было необходимо найти согласие с либерально-консервативным крылом «модератос» справа и прогрессистами слева и остаться одновременно во главе карлистского «мейнстрима», стоявшего на позициях праворадикального консерватизма. Для выявления противоречий между столь несовместимыми интенциями взгляды Хуана III противопоставляются идеям второй супруги Карлоса V — Марии Тересы, принцессы де Бейра, выразившей интересы карлистского «мейнстрима» накануне либерально-буржуазной революции 1868–1974 гг. и третьей карлистской войны. Показывается, что фигура Хуана III при всей своей нерелевантности в социально-политических условиях Испании XIX в. становится своеобразным провозвестником для современных лидеров карлизма (традиционалистов и либеральных консерваторов), живущих и действующих отдельно от маргинальной на сегодняшний день «правой фракции» карлизма, по-прежнему стоящей на позициях праворадикального консерватизма.

Ключевые слова: Хуан III, принцесса де Бейра, карлизм, либерализм, праворадикальный консерватизм, Испания XIX в.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-191-209.

В начале 1830-х гг. Испания оказалась в точке бифуркации: в то время как находящаяся в оппозиции королю Фернандо VII либеральная

*Василенко Юрий Владимирович, к. филос. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин социально-гуманитарного факультета НИУ ВШЭ (Пермь), yuvasilenko@hse.ru, ORCID: 0000-0001-7865-6497.

**© Василенко, Ю. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

буржуазия, фактически разделившаяся на тот момент уже на две партии («модератос» справа и прогрессистов слева), предлагала с той или иной степенью последовательности пойти вслед за Великобританией и Францией по пути либерально-буржуазной модернизации, реакционные круги испанской католической церкви и аристократии предлагали реставрировать Старый порядок в форме традиционной «испанской монархии». Противоречия между этими вариантами развития резко обострились в том числе и благодаря династическому кризису, разделившему испанских Бурбонов на две до сих пор непримиримые ветви: так, сторонники модернизации сплотились вокруг дочери умершего в 1833 г. короля Фернандо VII будущей королевы Изабель II, а противники — вокруг младшего брата короля дона Карлоса, ставшего вольно или невольно основоположником целого идейно-политического течения, потрясшего Испанию трижды только в XIX в. «Абсолютистское сопротивление, — пишет современный испанский историк из университета Валенсии И. Бурдиэль Буэно, — было представлено Фернандо VII и — в крайнем своем варианте — его братом доном Карлосом» (Burdíel, 2010: 28), который после смерти своего старшего брата оказался «последним оплотом» (Sans Puig, 1976: 45) Старого порядка.

В общеевропейском контексте консервативная — негативная — реакция на процессы либерально-буржуазной модернизации в Европе XIX в. имела довольно много вариаций. Пермская историко-политологическая школа исходит из того, что эти вариации можно типологизировать, сведя их к трем основополагающим (справа налево): праворадикальная (фундаменталистская в политической теории и экстремистская, т. е. допускающая применение насилия, в политической практике), традиционалистская (скептическая в теории и, как оказалось, довольно бездейственная на практике) и либерально-консервативная (консенсусная в том смысле, что слабо компромиссная в политической теории, но совершенно компромиссная в политической практике). Рассуждая в данных концептуально-методологических координатах, их создатели А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир определяют карлизм как разновидность праворадикального консерватизма, аутентично — как «ультра, крайне правых консерваторов-традиционалистов» (Галкин, Рахшмир, 1987);

именно в рамках этого течения и возникло экстремистское направление, сыгравшее существенную роль в формировании правого радикализма... Ряды правых радикалов пополнялись за счет сторонников экстремистского консерватизма. Правые радикалы заимствовали у него и основные идеи (там же).

В том же ключе карлизм интерпретировали и многие европейские историки. Так, по словам немецкого историка-испаниста XX в. Э. Шрамма, «карлизм был самым контрреволюционным движением, которое существовало в Европе» (Marrero, 1955: XVII). Испанский историк-карлист второй половины XX в., член «Opus Dei» В. Марреро Суарес в своем предисловии к антологии традиционалистских текстов XIX в. пишет (ibid.: xii–xiii):

В западной политике XIX века карлизм — ... это радикальная детерминация, которая, в конечном счете, есть вопрос веры. [...] Карлизм есть экстремальный полюс..., он подобен коммунизму, его самому жесткому антиподу.

Огромный блок карлистов, — пишет современный каталонский историк Х. М. Санс Пуиг, — отверг в итоге любые уступки, даже самые малые, реформам, непримиримо ожесточился и полностью закрылся. Только религиозный фанатизм («паписты») и *политическая непримиримость с до предела авторитарными институтами (абсолютизм или роялизм)* (Sans Puig, 1976: 31–32).

Между тем существенную сложность в анализе карлизма на любом историческом этапе его развития представляет многосоставный характер этого движения. Так, еще в 1973 г. современный испанский историк, либеральный монархист К. Секо Серрано пишет свой «Карлистский триптих», в котором выявляет в рамках карлизма «три фракции» (справа налево): «чистые паписты», традиционалисты и «транзакционисты». В 2014 г. довольно близкую к фракционной классификации Секо Серрано предлагает и современный испанский исследователь карлизма, советник Карлоса Уго I (карлистского претендента на испанский престол в 1975–2010 гг.) Х. К. Клементе Балагер. Он создал собственную классификацию «идеологических течений карлизма» (справа налево): «интегристы», «традиционалисты» и «карлисты», — связав их с первой, второй и третьей карлистскими войнами соответственно (Clemente, 2014). Секо Серрано и Клементе, представлявшие различные ветви испанских Бурбонов, были едины в том, что в рамках карлизма нашли свое место не только, используя терминологию Рахшмира-Галкина, праворадикальные консерваторы, справедливо считающиеся и являющиеся на заре существования карлизма «мейнстримом», но и как минимум еще два консервативных течения, которые были не склонны к радикализму ни в политической теории, ни в политической практике, а именно (справа налево) традиционалисты и либеральные консерваторы.

Ситуация начинает усложняться, когда мы сталкиваемся с такой фигурой в истории карлизма XIX в., как второй сын Карлоса V — Хуан Карлос Мария Исидро де Борбон-и-Браганса, граф де Монтисон (1822–1887), который, будучи в 1861–1868 гг. официальным лидером карлистов (а, учитывая внутреннее разнообразие этого движения, лидер — это то в действительности немногое, что всех их связывает воедино), являлся, соответственно, и карлистским претендентом на испанский престол, но при этом, что и вызывает к нему наибольший исследовательский интерес, официально признал легитимный характер власти королевы Изабель II (Sans Puig, 1976: 116). Забегая несколько вперед, можно утверждать, что уже одно это обстоятельство навсегда вычеркивает Хуана III из рядов праворадикальных консерваторов и, соответственно, из карлистского «мейнстрима».

Реакция испанской историографии была соответствующей. Так, Санс Пуиг определяет идеологическую идентичность Хуана III как типично либерально-консервативную: «modus vivendi между либерализмом и традиционализмом» (ibid.). Аналогичное определение дает и историк-карлист первой половины XX в. Т. Домингес Аревало, граф де Родесно, подчеркивая маргинальный характер Хуана III,

политические метания которого закончились потерей престижа в партии традиционалистов [т. е. карлистов — Ю. В.], притом либеральное мнение так и не смогло воспринять его всерьез (Rodezno, 1929: 14).

Наиболее левое определение предлагает Клементе, называя Хуана III фактически прогрессистом — «демократом и либералом» (Clemente, 2001: 201–202), который «принял характерные для этого века идеи прогресса» (ibid.). В подтверждение своего наиболее экстравагантного из всех определения Клементе приводит два аргумента: во-первых, как либерал, Хуан III предложил Франции (Наполеону III) и Италии (К. Б. ди Кавуру) идею трехстороннего (вместе с Испанией) «Латинского Союза» (ibid.: 203–204), в которой историк увидел «одного из удивительных предшественников нынешнего Европейского Союза» (ibid.: 204); во-вторых, как демократ, Хуан III активно общается с «современными революционными лидерами» (ibid.: 202). Беда лишь в том, что столь странные для любого карлиста попытки Хуана III заигрывать с западно-европейскими (прежде всего итальянскими) либералами еще во времена «правления» Карлоса VI, т. е. в конце 1850-х гг. (Rodezno, 1929: 19–20), сделали его «доктрины и желания» «несовместимыми с тем политическим порядком, которого придерживалась всегда партия карлистов»

(*ibid.*: 19), и «открыли пропасть между историческим карлизмом и [им как — Ю. В.] представителем легитимности» (Rodezno, 1929: 20).

Попытки Хуана III совместить карлизм, от которого он до определенного момента не мог отречься, с испанским либерализмом, к которому он стремился всей душой, будь то «модерадос» справа или прогрессисты слева, постоянно наталкивались на существенные противоречия. Отсюда и проблемы с определением его идеологической идентичности, оказавшейся, согласно вышеназванным авторитетам, где-то между «либеральным демократизмом» (Клементе) и «либеральным консерватизмом» (Санс Пуиг, граф де Родесно), но во всяком случае на «поле» либерализма, который в свою очередь в любом своем варианте не был приемлем для праворадикальных консерваторов, лидером которых Хуан III, казалось бы, должен был быть *per definitionem*.

Так, первоначально, сразу же после отречения его старшего брата Карлоса VI, Хуан III обратился в испанские Кортесы с официальным «Манифестом» от 2 июня 1860 г., в котором прямо заявил о своих законных претензиях на испанский престол (*ibid.*: 193–194), назвавшись при этом, как пишет граф де Родесно, «либеральным и конституционным монархом, противопоставив демагогические заявления и [либеральный — Ю. В.] „дух века“ тому, что он назвал реакционными правительствами Изабель II» (*ibid.*: 38). Однако в самом «Манифесте» ни королева, ни ее «реакционные правительства» не упоминались вообще (к первой Хуан III обращался в частной переписке со словами, которые вполне можно было бы назвать грубыми и вызывающими (*ibid.*: 197–198), а говорилось лишь об отказе от вооруженных методов борьбы за испанский престол и, что важно, о легальности и порядке, благодаря которым «страна будет процветать в направлении прогресса и в согласии с просвещением века» (*ibid.*: 194). В итоге софистическую демагогию Хуана III, желающего предстать перед всеми, по мнению графа де Родесно, «королем демократическим и ультралиберальным» (Rodezno, 1938: 193), поняли все, включая членов «реакционных правительств», которые состояли из представителей либерально-консервативного крыла «модерадос», и, сославшись на знаменитый «Закон об исключении», принятый по инициативе Ф. Мартинеса де ла Росы еще в 1834 г., отказались вести с претендентом, предпринявшим еще несколько аналогичных попыток (*ibid.*: 195–196), любые дела уже в 1863 г.

При этом окончательный раскол между Хуаном III и всей «карлистской партией» состоялся еще в 1860 г. Данный раскол становится тем

очевиднее, что одна из наиболее влиятельных карлистских газет, официальный орган карлизма или, как выражается граф де Родесно, «исторический орган партии» (Rodezno, 1938: 243), — «Надежда» («La Esperanza») во главе со своим главным редактором П. де ла Осом-и-де ла Торре позволила себе следующий комментарий, в принципе немислимый в контексте традиционно безоговорочной лояльности карлистов к своему лидеру: «Мы настаиваем на том, что дону Хуану де Борбону, как и всем принцам, которые изберут его вектор, необходимо отправиться в сумасшедший дом» (ibid.: 198–199). Что примечательно, к «Надежде» сразу же присоединились не только такие карлистские издания, как «Регенерация» («La Regeneración») и «Испанский ежедневник» («El Diario Español»), что было ожидаемо, но и традиционалистская, подчеркнуто лояльная королеве Изабель II газета «Испанское мышление» («El Pensamiento Español») и даже либерально-консервативная «Эпоха» («La Época») (ibid.). Либеральная же пресса подняла Хуана III на смех сразу же (ibid.: 201–202).

На этом фоне довольно робкие попытки Карлоса VI, выступившего перед своим младшим братом в роли старшего наставника, хоть как-то смягчить ситуацию и вернуть Хуана III «делу партии» к какому-либо позитивному результату не привели (ibid.: 194–195, 202); после чего претендент отходит от дел уже окончательно, погрузившись подобно своему неудачливому предшественнику в личную жизнь, а его политическая карьера заканчивается, так и не начавшись (ibid.: 38–39). Даже сегодня в испанской версии «Википедии», довольно трепетно относящейся к собственной исторической проблематике, Хуан III не назван среди карлистских претендентов на испанский престол.

Различного рода «манифесты», которые Хуан III периодически выдавал уже после 1860 г., подтверждают определение его идеологической идентичности как либерально-консервативной. Например, «Манифест карлистской партии» от 16 февраля 1861 г., написанный в Лондоне, в котором Хуан III, находясь для карлистов в статусе «испанского католического монарха», не только прославляет «суверенитет нации» и либерально-буржуазный «дух века» (ibid.: 212), но и призывает своих сторонников (ibid.: 213):

Оставьте эту банду в безнадежности ее бессилия, которая завершила свою карьеру, и присоединяйтесь рано или поздно к фракции Королевы [Изабель II — Ю. В.], так как среди убеждений людей, ее составляющих, вы найдете много пунктов, аналогичных тем, которые вы всегда защищали, или надежд

по крайней мере увидеть реализованным тот режим, который был вашим прекрасным идеалом.

Граф де Родесно, стремясь смягчить позицию Хуана III, утверждает, что тот призывал карлистов присоединиться к традиционалистскому, а не либерально-консервативному крылу «модератос», тем более что первое на тот момент выступало уже под знаменами «неокатолицизма» (Rodezno, 1938: 213). Аргумент графа может быть принят во внимание, если учесть, что многие представители «неокатолицизма», среди гуру которых числятся и такие выдающиеся традиционалисты середины XIX в., как Х. Доносо Кортес и Х. Л. Бальмес-и-Урпия, через несколько лет открыто перейдут на сторону карлистов и начнут против I Республики третью карлистскую войну; однако знать об этом заранее было нельзя.

Взятый в данном качестве Хуан III предстает перед нами, во-первых, как своеобразная «реинкарнация» карлистского генерала Р. Марото Исернса, который на свой страх и риск заключил «Вергарское соглашение» и признал королеву Изабель II легитимным правителем Испании еще в 1839 г., за что и удостоился звания «предателя» в среде карлистского «мейнстрима»; и, во-вторых, как дальнейшее движение в направлении внутридинастического консенсуса, заданного еще его предшественником Карлосом VI (при активнейшем участии Бальмеса) и полностью проваленного им же, хотя и не исключительно по его вине.

Если же мы попытаемся, как любят говорить в самой Испании, «оправдать, обосновать, извинить» (*justificar*) либерализм Хуана III, то картина получается следующая. Во-первых, как утверждает граф де Родесно, «карлистская партия в эпоху немилости, которая последовала за провальными попытками [второй карлистской войны — Ю. В.], была внешне мертвой» (*ibid.*: 177). Во-вторых, к началу 1860-х гг. карлистское движение утратило всякую поддержку за пределами Испании (прежде всего во Франции и Италии), откуда оно периодически подпитывалось во многом благодаря консервативным католикам (*ibid.*: 213–224). Принципиально продвинувшиеся по пути либерально-буржуазной модернизации правящие элиты Великобритании и Франции, поняв наконец-то — вопреки всем усилиям еще Карлоса VI — необратимо реакционный характер карлистского движения, перестали его использовать даже в своих внешнеполитических акциях, направленных на дестабилизацию внутривосточной ситуации в Испании как традиционно и потенциально агрессивного соседа; итальянские же правительства были заняты процессом объединения страны, и им было просто не до карлизма.

Отсюда и все наивные попытки Хуана III найти поддержку и признание со стороны королевы Изабель II: он совершенно безрезультатно забрасывает ее своими письмами теперь уже с выражением безграничной лояльности как к ней лично, так и ко всем главам находившихся у власти консервативных и либеральных правительств без разбора: от либерально-консервативного крыла «модерадос» справа до центристского «Либерального союза» (Rodezno, 1938: 224–230).

Между тем либерализм Хуана III не мог пройти для карлизма даром: закономерно вызванный позицией нового претендента очередной раскол в лагере карлистов привел к новому витку реакции и, соответственно, к усилению «правой фракции» в их рядах. В итоге благодаря метаниям Хуана III на политическую авансцену карлизма выходит человек, который, находясь до этого в тени, мог бы олицетворять собой карлизм не в меньшей степени, чем сам дон Карлос, — его племянница и вторая супруга *Мария Тереса де Браганса-и-Борбон* (1793–1874), вошедшая в историю Испании как «принцесса де Бейра». Как пишет граф де Родесно,

Мария Тереса сделала карлистской партии инъекцию надежды. Она поняла, что была необходима доктринальная ратификация традиционалистских принципов, и указала карлистам на молодого принца, старшего сына дона Хуана, будущего Карлоса VII как продолжателя династии, которому тогда было тринадцать лет, но, будучи воспитанным ею, он поднял знамя, оброненное его отцом (ibid.: 206–207).

При этом шла ли речь о «традиционалистских принципах» или, что вероятнее, о праворадикальных — это вопрос.

Мария Тереса была принцессой Португалии по отцовской линии и принцессой Испании по материнской линии; выйдя в 1838 г. замуж за своего дядю Карлоса V, она ставится женой основоположника карлизма и, согласно легитимистской генеалогии, королевой Испании. Переживав нашествие Наполеона в Бразилии, где тогда скрывалась вся королевская семья Португалии (1807–1820), Мария Тереса при содействии Фернандо VII обосновалась в Мадриде, откуда в 1826–1836 гг. поддержала своего родного брата Мигела I, принца де Бейра, или дона Мигела (по аналогии с доном Карлосом), получившего прозвище «Традиционалист», в гражданской войне против португальского «Короля-Солдата» Педру IV, который был приверженцем либерального конституционализма, а стал императором Бразилии под именем Педру I (1822–1831). Мигелистские войны, развернувшаяся в Португалии в 1823–1834 гг. между родными братьями, имевшими, как и в Испании, совершенно различные

идеологические предпочтения (либерализм против праворадикального консерватизма, конституционная монархия против абсолютистской), во многом стали провозвестником, а затем и почти полным аналогом карлистских войн, развернувшихся первоначально между дядей и племянницей. В 1833 г. Мария Тереса ожидаемо выступила на стороне Карлоса V, приняв непосредственное участие в первой карлистской войне против своей двоюродной сестры — будущей королевы Изабель II. В дальнейшем она разделила с Карлосом V последние годы его жизни в изгнании (в Италии), пережив своего супруга в итоге на девятнадцать лет. Лучшей биографией Марии Тересы до сих пор является работа графа де Родесно «Принцесса де Бейра и сыновья дона Карлоса», написанная им в 1928 г. и снабженная отличной подборкой таких важных исторических источников, как личная переписка (Rodezno, 1938: 249–273).

Секо Серрано называет дону Мигела и Марию Терезу «основателями и опекунами легитимизма в обоих [Испании и Португалии — Ю. В.] королевствах» (Seco Serrano, 1973: 19), невольно понижая тем самым «статус» Карлоса V, превращая его чуть ли не в игрушку в женских руках. Так, «обладая энергичным характером, — подхватывает ту же мысль Бурдиель, — его супруга [еще первая, португальская принцесса Мария Франсиска де Браганса — Ю. В.] супруга оказывала огромное влияние на него, более слабого и безжизненного» (Burdíel, 2010: 26). Вторая же, наделенная «политической амбицией, неукротимой отвагой и негибкостью суждений» Мария Тереса сыграла, по мнению Бурдиель, в истории карлизма «определяющую идеологическую роль» (Seco Serrano, 1973: 82–83), явно недооцененную в современной историографии на фоне «идеологического профиля дона Карлоса» (ibid.: 19–20), считает Секо Серрано. Не скупится на комплименты Марии Тересе и Санс Пуиг, называя ее «подлинным мозгом карлизма» (Sans Puig, 1976: 110) и — вместе с принцессой Марией Франсиской — «аутентичными руководителями карлистского движения» (ibid.: 129). «Португальский след», скажем так, оказывается одним из мощнейших факторов в процессе становления испанского карлизма.

Мария Тереса развернула свою деятельность с самого начала «правления» Хуана III как политический идеолог карлизма. Так, 15 сентября 1861 г., находясь в Бадене, она написала претенденту письмо «об осуждении его политических принципов и отказе в пользу его детей от прав на корону Испании» (Rodezno, 1938: 249–257), в котором, как пишет граф де Родесно, «прекрасно изложила доктрину традиционной монархии

в плане управления народом» (Rodezno, 1929: 207) и попросила Хуана III отречься от престола в пользу его старшего сына — будущего Карлоса VII, называя последнего «надеждой Испании» (*ibid.*). Благодаря этому письму, утверждает граф де Родесно, Мария Тереса «открыла новые горизонты для партии» (Rodezno, 1938: 207), а мы бы сказали, что она восстановила традиционную «повестку дня», актуализировав старые цели и задачи карлистского движения и заложив тем самым основы той драмы, которая будет разыгрываться в лагере карлистов в течение ближайшего десятилетия вплоть до конца 1860-х — начала 1870-х гг. При этом Мария Тереса начала подписывать некоторые свои документы как «Регентша» (Rodezno, 1929: 235), разделив этот высокий статус с карлистским генералом Р. Кабрерой-и-Гриньо (по прозвищу «тигр Маэстрасго» и эрцгерцогиней Марией Беатрисой де Аустрия-Эсте, матерью будущего Карлоса VII (Rodezno, 1938: 207). Когда идея коллективного регентства в силу внутренних противоречий провалилась (главным ее противником выступила Мария Беатрис, не желавшая связывать судьбу своего сына с карлистским движением (*ibid.*: 235), то именно Мария Тереса взяла на себя обязанности по поддержанию коммуникации в среде карлистов (*ibid.*: 210).

Между тем в истории карлизма имеется крайне значимое не только в историческом, но и в сугубо идеологическом смысле «Письмо к испанцам» (современный испанский историк-социалист из университета Страны Басков Х. Олабаррия Агра называет его «каноническим текстом карлистской доктрины» (Olabarría Agra, 2003: 652), а граф де Родесно — «знатнейшим документом» (Rodezno, 1938: 235), написанное Марией Тересой 25 сентября 1864 г. и опубликованное в «Надежде» (*Carta de María Teresa de Borbón y Braganza*, 1955: 223–255). В этом письме Мария Тереса обращается к своим соотечественникам, отвечая на поставленные ею самой же три вопроса: «Кто, в конце концов, является нашим королем?», «Что я думаю о современном испанском либерализме?» и «Каков будет наш девиз в будущем?» (*ibid.*: 233). Три фундаментальные темы, касающиеся прошлого, настоящего и будущего карлизма, позволяют в том числе определить и расхождения между Хуаном III и карлизмом как праворадикальным консерватизмом.

1. Отвечая на первый вопрос, Мария Тереса отвергает возможность того, что ее сын от первого брака с Педро Карлосом де Борбоном (1786–1812) — Себастьян габриель де Борбон-и-Браганса (1811–1875) — может стать королем Испании и возглавить карлистское движение после Карлоса VI, поскольку он, даже участвуя в первой карлистской войне,

«не провозгласил законов, солиднейшую базу испанской монархии, а также всей подлинной цивилизации, т. е. единство нашей католической веры» (*Carta de María Teresa de Borbón y Braganza*, 1955: 223–224). Перейдя ко взглядам Хуана III, Мария Тереса заключает (*ibid.*: 226):

Хуан стремится исключить Бога из общества, из законов об институтах и, таким образом, построить власть, которая не зависит от Бога, не считается с Богом ни в чем, стремится согласно революционным принципам заменить волю Бога волей суверенного народа, законы, проистекающие от Бога, — санкцией народа. Построить атеистическое государство с атеистическими властями и атеистическими законами и институтами.

Либерально-демократическая власть, считает Мария Тереса, станет «жесточкой силой или абсурдной системой большинства, которая также сведется к крайне жесточкой силе» (*ibid.*). Вывод Марии Тересы во многом предсказуем: новым лидером карлизма должен стать сын Хуана III и внук Карлоса V — Карлос VII, который — своеобразная историческая ирония — после поражения в третьей карлистской войне также постарается интегрироваться в Новый порядок. Правда, об этом Мария Тереса уже не узнает. Кризис карлизма, наметившийся к концу 1850-х гг. и проявившийся в непоследовательности его лидеров, стремящихся к консенсусу с «нелегитимной ветвью» испанских Бурбонов, обозначит границы генетического периода в развитии карлизма, основными движителями которого впредь будут уже не монаршие персоны, доказывающие свое право на престол на полях сражений, а традиционалистски мыслящие политики, ведущие свои «карлистские войны» исключительно в стенах Кортесов.

2. Современный испанский либерализм является для Марии Тересы «врагом католической веры», хотя он и исповедуется меньшинством, которое «подчинило себе королевство по праву силы». Его цель — «стереть, если бы это было возможно, католическую веру из сердца испанцев» (*ibid.*: 229). Связав генезис либерализма с лютеранством и Великой французской революцией, Мария Тереса продемонстрировала отличное знание трудов Доносо Кортеса и Бальмеса, назвав либерализм «чистым протестантизмом, примененным к политике» (*ibid.*: 229–230). Пороки либерализма весьма велики: свобода печати, гражданские свободы, децентрализация («являющаяся наибольшим из деспотизмов»), неисполненное обещание всеобщего счастья, четырехкратное увеличение налогов за несколько лет, продажа церковного имущества, «сотня партий..., оспаривающих власть», многопартийность и «диктатура того

или иного генерала»... (Carta de María Teresa de Borbón y Braganza, 1955: 230–231).

Либерализм, — для Марии Тересы, — в конечном счете это анархия или диктатура. Правда в том, что эта диктатура не позволила совершиться полному распаду; но именно это и является нашим [Марии Тересы — Ю. В.] главным обвинением, т. к. ни анархия, ни диктатура не являются для общества состоянием нормальным (ibid.: 231).

3. Политическая программа, излагаемая Марией Тересой, называется ею «религиозно-монархической» и сводится к трем составляющим: религия, родина, король (ibid.: 240), — которые противопоставляются ею «масонской формуле» «Свобода, равенство, братство» (ibid.: 254).

Наш девиз, — пишет она, — мы наследуем от наших предков как богатое наследие, как фундаментальный закон нашей католической Испании, как славный девиз на наших знаменах, как боевой клич в борьбе против наших врагов (ibid.: 240).

[Религия] есть солиднейший фундамент подлинной цивилизации, подлинной свободы и подлинного прогресса. Опираясь на ее принципы, можно прогрессировать до бесконечности; отказавшийся от нее превратится в варвара (ibid.: 243).

Родина и патриотизм являются для Марии Тересы антитезой «либеральному эгоизму». «Настоящий испанский патриот, — считает она, — скажет так: прежде всего и превыше всего Бог и моя религия, а затем превыше всего — моя родина» (ibid.: 244). Богатая военная история Испании позволяет Марии Тересе сделать обширнейшие экскурсии в героическую мифологию испанцев. В представлениях Марии Тересы патриотизм — это другое название испанизма (ibid.: 245):

Некоторые последователи либерализма потрудились для того, чтобы оказаться под каблуком иностранных наций, перенимая их идеи, их обычаи, их Конституции, их кодексы и даже язык и литературу, отказываясь от всего испанского, либо почти не воспринимая его по сравнению со всем иностранным.

Концептуальную часть своего «Письма» Мария Тереса заканчивает, возвращаясь к теме Божественного происхождения королевской власти, являющейся для нее, несомненно, центральной, тем более что она в очередной раз позволяет ей обрушиться на либеральную доктрину национального и личного суверенитета. Задача Марии Тересы — опровергнуть обвинения в адрес «легитимной династии» в абсолютистских устремлениях. «Согласно нашим религиозно-монархическим

принципам, — пишет Мария Тереса, — король-католик не может быть собственно абсолютистским» (*Carta de María Teresa de Borbón y Braganza*, 1955: 248), поскольку «сами божественные и небесные законы налагают на его власть определенные ограничения» (*ibid.*: 249). Отсюда гарантом прав и свобод выступает религия и соответствующие ей моральные принципы, которые, с точки зрения Марии Тересы, вполне достаточны для того, чтобы подданные смотрели на короля не как на человека, а как на представителя Бога на земле, что возвеличивает и короля, и подданных.

Послушание же в либерализме, — доказывает Мария Тереса, — либо не существует вовсе, либо является рабским; это послушание человека перед другим человеком, послушание насильственное, т. к. либералы являются все автономными и суверенными, следовательно — равными и независимыми (*ibid.*: 248),

поэтому «каждый день бунт и каждый день революция» (*ibid.*). По существу Мария Тереса проводит хрестоматийную для христианства мысль о том, что подлинная свобода возможна лишь в Боге, а вне Бога свободы быть не может в принципе.

Вторым ограничением королевского абсолютизма в Испании были, упоминает Мария Тереса, «древние свободы» (*фуэрос*) и провинциальные привилегии, поэтому «едва ли в Европе где-то еще были столь же неабсолютистские короли, как в католической Испании» (*ibid.*: 249). И если Кортесы, традиционно уравновешивающие абсолютистскую власть королей, прекратили свое существование, то только по вине иностранных захватчиков — французов; а до тех пор, вплоть до правления ее деда Карлоса IV, Кортесы в Испании существовали. И что бы ни говорили либералы о том, что Кортесы были «исключительно консультативными», провинциальные привилегии и *фуэрос* оставались в неприкосновенности. «Наши короли милостью Божьей никогда не были абсолютистскими в том смысле, в каком это слово используют либералы» (*ibid.*: 250). При том что защита *фуэрос* и провинциальных привилегий упоминается Марией Тересой лишь вскользь, этого оказывается достаточно для того, чтобы обвинить либералов во всех «грехах», приписываемых карлизму: «современный либерализм — это в своей сущности абсолютизм, деспотизм и тирания» (*ibid.*: 251), — повторяет Мария Тереса несколько раз. Однако победа карлизма позволит

установить в Испании подлинную и прочную свободу — индивидуальную и хозяйственную, гражданскую и политическую, — а также порядок, мир и безопасность. И тогда мы увидим, что нам не нужны ни конституции, ни

законы, ни странные свободы, в широких же рамках наших лозунгов станет возможен любой прогресс в искусствах, в науках, в коммерции и в промышленности (Carta de María Teresa de Borbón y Braganza, 1955: 253).

Воинственные призывы к возобновлению гражданской войны, которыми изобилуют последние абзацы «Письма», едва ли компенсируются уверениями Марии Тересы в том, что она борется «не с либералами, а с либерализмом, не с ошибающимися, а с ошибкой»; тем более что в ее сердце «все они — испанцы» (ibid.: 254). Мария Тереса является сторонницей того непримиримого крыла карлизма («правой фракции», состоящей из праворадикальных консерваторов), представители которого упорно боролись против «нелегитимной династии» на полях сражений в первых двух карлистских войнах и, крайне негативно отреагировав на либерально-демократическую революцию (1868–1874 гг.) и I Республику, не побоялись начать третью.

Выдающийся испанский «интегрлист» второй половины XIX в. Х. М. Орти-и-Лара оценил «Письмо» Марии Тересы как «полную программу реставрации и управления Испании в традиционном и католическом духе» (Rodezno, 1929: 27). Как пишет Секо Серрано, Мария Тереса «противопоставила „легитимность исполнения“ „легитимности происхождения“» (Seco Serrano, 1973: 6), явно повторив «кульбит», совершенный в 1833 г. всеми испанскими либералами как сторонниками либерально-буржуазной модернизации, только наоборот, чем и подтвердила реакционный характер своей программы. Санс Пуиг называет Марию Тересу — вопреки всей ее критике абсолютизма — «трапом для абсолютистов» (Sans Puig, 1976: 36), поскольку именно она проложила своеобразную «тропинку» в обход Хуана III от Карлоса VI к Карлосу VII.

Аргументы Хуана III против столь мощной эскапады Марии Тересы вплоть до его отречения в пользу Карлоса VII были довольно простыми; как он написал в письме сыну:

Не имея больших амбиций, чем счастье испанцев, т. е. счастья внутреннего и престижа внешнего для моей любимой родины, считаю необходимым отречься (Rodezno, 1929: 67).

Проблема Хуана III носила еще и психологический характер: он — подобно, возможно, М. С. Горбачеву — так и не смог отважиться на радикальное политическое действие, за которым последует очередная гражданская война, значительный запал на которую к тому моменту у карлизма еще был. В этом контексте на месте Хуана III во главе карлизма логичнее было бы видеть Марию Тересу, которая в критический момент

взяла на себя роль подлинного лидера карлистского «мейнстрима», все еще склонного к праворадикальному консерватизму; а Хуана III вполне можно было бы назвать «карлистом наоборот» или «карлистской аномалией».

Возвращаясь же к теме «оправдания» Хуана III, можно заключить следующее.

Во-первых, Хуан III находился во главе карлистского движения в те годы, которые предшествовали в Испании началу даже не либерально-буржуазной, а либерально-демократической революции. В этом контексте его в целом либеральная идеологическая идентичность, сколь бы ничтожной она ни была, является одним из наиболее важных результатов этого периода, как ничто иное демонстрирующих степень адаптации испанских консерваторов вообще к социально-политическим условиям Нового порядка уже в начале 1860-х гг. Отсюда становится более понятным и феноменальный успех центристского «Либерального союза», ставшего в это десятилетие наиболее весомой консервативной партийно-политической альтернативой сместившемуся слишком вправо — в направлении традиционализма — либерально-консервативному крылу «модерадос».

Во-вторых, легитимный, но совершенно формальный статус Хуана III и связанная с этим его неспособность принципиально изменить вектор развития карлизма непосредственно говорят об усилении тех внутренних противоречий в лагере карлистов, которые впервые проявились еще при Карлосе VI, если вообще не при подписании «Вергарского соглашения». Получается, что для карлистов при всей их нарочитой лояльности своему претенденту на поверку куда более важной фигурой оказывается не он, а довольно расплывчатый «мейнстрим», который в критических обстоятельствах (а преддверие очередного революционного цикла — именно такое обстоятельство) способен выдвигать иных — харизматичных, подлинных — лидеров и действовать самостоятельно без всякой оглядки на «королевское знамя». Причем — в качестве исключения, подтверждающего правило, — сдвигаться как влево (случай генерала Марото, в определенном смысле произвольно закончившего первую карлистскую войну), так и вправо (случай Марии Тересы). Все это подтверждает в рамках карлизма и второстепенный статус «династического вопроса» по сравнению с «идеологическим», который, по словам испанского историка-традиционалиста XX в., бывшего на протяжении тридцати лет капелланом королевского дома, члена «Opus Dei» Ф. Суареса Вердегера, «первоначально вопросов не вызывал» (Suárez

Verdeguer, 1988: 83). Более того, благодаря Марии Тересе, сумевшей с помощью своих ближайших соратников сформулировать полноценную политическую программу всего лишь в одном «Письме» на нескольких страницах, мы можем обоснованно говорить об идеологической зрелости карлизма.

В-третьих, Хуан III — это непонятый, или понятый превратно, современниками, скажем так, прообраз будущего карлизма. Как пишет Клементе,

такие фигуры, как дон Хуан, встречались в карлизме с определенной частотой. Продвинутое для своего времени личности, они не признавались собственными последователями (Clemente, 2001: 204).

Между тем уже на генетическом этапе своего развития карлизм перебрал все в принципе возможные консервативные варианты политической идеологии, неизменно смещаясь справа налево: от праворадикального консерватизма Карлоса V через традиционализм Карлоса VI, за которым стояли титанические усилия Бальмеса, к либеральному консерватизму Хуана III. И тот факт, что Хуан III, повторявший традиционные для середины XIX в. либеральные «мантры», оказался не только наименее оригинальным как политический идеолог, но и наименее эффективным как политический практик лидером карлизма, во многом объясняет и современный кризис, если вообще не окончательный крах этого движения, в котором праворадикальный «мейнстрим» живет совершенно отдельной жизнью от всех своих формальных лидеров королевской крови, рассуждающих о политике и истории в духе типичного либерализма.

Так или иначе, к концу 1860-х гг. идейно-ценностный надлом карлизма становится для внешних и внутренних наблюдателей довольно очевидным. Соответственно, и перед следующим лидером карлистов историей было поставлено сразу несколько задач: во-первых, реанимировать карлистское движение в целом, но прежде всего — и это уже во-вторых — попытаться сдержать каким-то образом дальнейшее развитие и без того доведенный Хуаном III до своего логического конца левый уклон. Иначе все разговоры о сохранении традиционной идеологической идентичности карлизма как зарождающегося в Испании праворадикального консерватизма становились вплоть до самого начала гражданской войны 1936–1939 гг. просто бессмысленными.

В этом контексте стремление Хуана III как политического практика, опередившего свое время, к построению в Испании современной для его времени либерально-буржуазной демократии — в проти-

вовес традиционной «испанской монархии» с еще более традиционным клерикально-абсолютистским «душком» — выглядит не столь уж и безумным политико-институциональным «проектом». Другое дело, что этот «проект» вплоть до середины 1970-х гг. не смогли реализовать даже те, кто занимался им целенаправленно, что уж говорить о лидере карлизма, которого в лагере либералов воспринимали в лучшем случае как чужака.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин А. А., Рахшмир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем / История Пропаганды. — 1987. — URL: https://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/ (дата обр. 30 марта 2021).
- Burdiel I.* Isabel II. Una biografía (1830–1904). — Madrid : Taurus, 2010.
- Carta de María Teresa de Borbón y Braganza, princesa de Beira, a los españoles (1864) // El tradicionalismo español del siglo XIX / ed. por V. Marrero. — Madrid : Dirección general de información, 1955. — P. 223–255.
- Clemente J. C.* Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. — Barcelona : Ediciones Martínez Roca, 2001.
- Clemente J. C.* La casa de Borbón : Una multinacional de las cabezas coronada / Google Books. — 2014. — URL: <https://books.google.ru/books?id=8EX1AgAAQBAJ> (visitado 30 de mar. de 2021).
- Marrero V.* Prólogo // El tradicionalismo español del siglo XIX / ed. por V. Marrero. — Madrid : Dirección general de información, 1955. — P. VII–XXXI.
- Olabarría Agra J.* Opinión y publicidad en el tradicionalismo español en la era isabelina // Historia contemporánea. — 2003. — N° 27. — P. 647–661.
- Rodezno C. de.* Carlos VII. Duque de Madrid. — Barcelona : Espasa Calpe, 1929.
- Rodezno C. de.* La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos. — Santander : Cultura española, 1938.
- Sans Puig J. M.* Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. — Barcelona : Bruguera, 1976.
- Seco Serrano C.* Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. — Barcelona : Ariel, 1973.
- Suárez Verdeguer F.* La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800–1840). — Madrid : Rialp, 1988.

Vasilenko, Yu. V. 2021. "Karlizm mezhdru liberalizmom i pravoradikal'nym konservatizmom [Carlism Between Liberalism and Right-Wing Conservatism]: kazus Khuana III (1861–1868) [The Case of Juan III (1861–1868)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 5 (2), 191–209.

YURIY VASILENKO

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (PERM, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-7865-6497

CARLISM BETWEEN LIBERALISM AND RIGHT-WING CONSERVATISM

THE CASE OF JUAN III (1861–1868)

Submitted: Apr. 03, 2021. Reviewed: May 17, 2021. Accepted: May 20, 2021.

Abstract: The article is dedicated to Juan III (1822–1887), the Carlist pretender to the Spanish throne in 1861–1868, who opposed himself to the Carlist «mainstream» by expanding the ideological framework of this movement to the left up to liberalism. As a liberal, Juan III becomes an exponent of the trend (left-wing bias within Carlist conservatism) which originates from Carlist general R. Maroto Yserns' activities who signed in 1839 the peace of Vergara with the Isabelites and expresses in Carlos VI's attempts to find an agreement between the two branches of the Spanish Bourbons in the form of a dynastic marriage with Isabel II. The article analyzes the failures of Juan III as a political practitioner who sought to combine in his activities the desire to integrate himself into the New — liberal-bourgeois — Order (but for that it was necessary to find agreement with the liberal-conservative wing of the «moderados» on the right and the progressives on the left) and to remain at the head of the Carlist «mainstream» which stood on the positions of right-wing conservatism. To identify the contradictions between such incompatible intentions, Juan III's views are contrasted with — the second wife of Carlos V — Maria Teresa, Princess of Beira's ideas who expressed the interests of the Carlist «mainstream» on the eve of the liberal-bourgeois revolution of 1868–1974 and the third Carlist war. It is shown that the figure of Juan III — for all its irrelevance in the socio-political conditions of Spain in the XIX century — becomes a kind of herald for the modern leaders of Carlism (traditionalist and liberal conservative ones) who live and act separately from the currently marginal "right-wing faction" of Carlism which still stands on the positions of right-wing conservatism.

Keywords: Juan III, Princess of Beira, Carlism, Liberalism, Right-Wing Conservatism, Spain of the XIX Century.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-191-209.

REFERENCES

- Burdiel, I. 2010. *Isabel II. Una biografía (1830–1904)* [in Spanish]. Madrid: Taurus.
- Clemente, J. C. 2001. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles* [in Spanish]. Barcelona: Ediciones Martínez Roca.
- . 2014. "La casa de Borbón: Una multinacional de las cabezas coronada" [in Spanish]. Google Books. Accessed Mar. 30, 2021. <https://books.google.ru/books?id=8EX1AgAAQBAJ>.
- Galkin, A. A., and P. Yu. Rakhshmir. 1987. "Konservativizm v proshlom i nastoyashchem [Conservatism in the Past and Present]" [in Russian]. *Istoriya Propagandy*. Accessed Mar. 30,

2021. https://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/.
- Marrero, V., ed. 1955a. "Carta de María Teresa de Borbón y Braganza, princesa de Beira, a los españoles (1864)" [in Spanish]. In *El tradicionalismo español del siglo XIX*, 223–255. Madrid: Dirección general de información.
- . 1955c. "Prólogo" [in Spanish]. In *El tradicionalismo español del siglo XIX*, ed. by V. Marrero, VII–XXXI. Madrid: Dirección general de información.
- Olabarría Agra, J. 2003. "Opinión y publicidad en el tradicionalismo español en la era isabelina" [in Spanish]. *Historia contemporánea*, no. 27: 647–661.
- Rodezno, C. de. 1929. *Carlos VII. Duque de Madrid* [in Spanish]. Barcelona: Espasa Calpe.
- . 1938. *La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos* [in Spanish]. Santander: Cultura española.
- Sans Puig, J. M. 1976. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil* [in Spanish]. Barcelona: Bruguera.
- Seco Serrano, C. 1973. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo* [in Spanish]. Barcelona: Ariel.
- Suárez Verdeguer, F. 1988. *La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800–1840)* [in Spanish]. Madrid: Rialp.